

ШЗ9
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

ШЕЙФЕР Солемон Абрамович

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность: 12.00.09 — уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Москва — 1981

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права и процесса Куйбышевского государственного университета.

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор А. С. Кобликов

Доктор юридических наук, профессор Л. Д. Кокорев

Доктор юридических наук А. М. Ларин

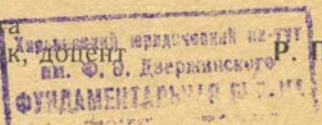
Ведущее учреждение — Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Защита состоится «14» *сентября* 1981 г. в «13» час. на заседании специализированного совета Д-0530702 при Всесоюзном юридическом заочном институте (107005 Москва, Б-5, Старокирочный пер., 13).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан «9» *сентября* 1981 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат юридических наук

Р. П. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

3906

Актуальность исследования. В условиях зрелого социализма существенно возрастает роль социалистической законности и правопорядка. «Советское государство, все его органы, — говорится в ст. 4 Конституции СССР, — действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан». Повышенные роли правовых средств в жизни общества закономерно вытекают из сформулированного Л. И. Брежневым и включенного затем в Конституцию СССР (ст. 9) положения о дальнейшем развитии социалистической демократии, укреплении правовой основы государственной и общественной жизни¹. С этим направлением развития советского общества связано и закрепленное в Конституции СССР право граждан на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество (ст. 57). Значительное внимание в Конституции СССР уделено таким видам правоохранительной деятельности, как правосудие (глава XX) и прокурорский надзор (глава XXI). Идеей всемерного укрепления социалистической законности и охраны прав граждан проникнуты принятые на второй сессии Верховного Совета СССР десятого созыва Закон о Верховном Суде СССР, Закон о Прокуратуре СССР, Закон об адвокатуре в СССР.

Сложность задач управления социальными процессами требует непрерывного совершенствования правоохранительной деятельности. Как отмечал Л. И. Брежнев, партия ждет от работников суда, прокуратуры и других административных органов еще большей инициативы, принципиальности, непри-

¹ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Ленинским курсом. Речи и статьи. — М.: Политиздат, 1976, т. 5, с. 541.

миримости в борьбе с нарушениями советского правопорядка². Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» (август 1979) отмечает, что задачи укрепления правопорядка и законности решаются пока недостаточно эффективно.

В обеспечении режима социалистической законности важное место отводится уголовному судопроизводству. Решение стоящих перед ним задач обеспечивается установлением истины, меткостью судебной репрессии. Эта мысль с большой силой прозвучала на XXVI съезде КПСС. Говоря о деятельности органов, осуществляющих охрану законности и правопорядка, Л. И. Брежнев указывал: «Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание»³.

Истина в уголовном деле устанавливается посредством доказывания, составляющего основу уголовно-процессуальной деятельности. Проблема эффективности уголовного судопроизводства — это в значительной мере проблема эффективности доказывания, повышения раскрываемости преступлений, предотвращения следственных и судебных ошибок.

На достижение этих целей направлена повседневная деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Этому же во все возрастающей степени должна способствовать и советская правовая наука. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, сама наука должна показывать, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, уверенней⁴. Отсюда вытекает, что ученые-юристы должны еще глубже анализировать, теоретически осмысливать насущные проблемы практики, разрабатывать рекомендации по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной деятельности.

В 60—80 гг. наука о доказательствах достигла в своем развитии значительных успехов. В трудах Н. С. Алексева, В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, М. М. Гродзинско-

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. — М.: Политиздат, 1978, т. 6, с. 385.

³ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981, с. 65.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 43.

го, В. Я. Дорохова, Э. С. Зеликсона, Л. М. Карнеевой, Л. Д. Кокорева, В. Я. Колдина, Г. И. Кочарова, И. М. Лузгина, А. М. Ларина, В. З. Лукашевича, П. А. Лупинской, Г. М. Миньковского, И. Б. Михайловской, Ю. К. Орлова, П. Ф. Пашкевича, И. Л. Петрухина, А. Р. Ратинова, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, Н. А. Селиванова, А. А. Старченко, М. С. Строговича, В. Г. Танасевича, А. И. Трусова, Л. Т. Ульяновой, Ф. Н. Фаткуллина, М. П. Шаламова, А. А. Эйсмана, П. С. Элькинд, Н. А. Якубович, М. Л. Якуба и других ученых процесс установления истины по уголовному делу исследован с позиций марксистско-ленинской гносеологии, обоснована принципиальная возможность познания события, оставшегося в прошлом, подвергнута изучению специфика отдельных видов доказательств. Эти труды представляют собой теоретическую базу диссертации, служат основой дальнейшего развития научных изысканий в направлениях, не получивших еще достаточного исследования.

Важнейшей проблемой доказывания продолжает оставаться собрание доказательств. Термин «собрание доказательств» издавна известен уголовно-процессуальному законодательству (ст. ст. 59, 112, 302 УПК РСФСР 1923 г.). В действующих УПК союзных республик собранию доказательств посвящена отдельная статья (ст. 70 УПК РСФСР). Однако научный анализ сущности собрания доказательств нельзя признать достаточным. В известной работе Р. С. Белкина о доказывании⁵ непосредственному анализу этой деятельности посвящена одна из десяти глав. В работах В. Д. Арсеньева, А. М. Ларина, А. Р. Ратинова, Ф. Н. Фаткуллина, Н. А. Якубович и других авторов, изучавших структуру доказывания, сущность собрания доказательств также рассмотрена в самой общей форме. Монографических же исследований данной темы до сих пор не было.

Между тем изучение проблем собрания доказательств, носящих методологический характер (место собрания доказательств в системе доказывания, специфика проявления в нем общих черт познания как отражения внешнего объекта, структура деятельности по собранию доказательств, факторы, обуславливающие изменение ее правовых форм на отдельных стадиях процесса), может стать основой решения многих частных вопросов и имеет поэтому исключительно важное зна-

⁵ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. — М.: Наука, 1966.

чение. Практика свидетельствует, что ошибки в собирании доказательств достаточно распространены на предварительном и судебном следствии. Подчас они приводят к неустановлению виновных либо к необоснованному осуждению или оправданию. В определенной мере этому способствует отсутствие единых научных представлений о сущности собирания доказательств и условиях, определяющих полноту и точность отражения фактических данных в материалах дела.

Основными способами собирания доказательств являются допрос, осмотр, обыск, выемка и другие следственные действия. Советскими учеными достигнуты немалые успехи в их изучении. Значительным вкладом в науку явились монографии, посвященные допросу и очной ставке (А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, Н. И. Порубов, В. И. Смыслов, А. Б. Соловьев), осмотру (А. Н. Васильев, В. П. Колмаков, В. И. Попов, А. Р. Ратинов), обыску и выемке (А. Р. Ратинов, А. И. Михайлов, Г. С. Юрин), предъявлению для опознания (Н. Н. Гапанович, А. Я. Гинзбург, Г. И. Кочаров, П. П. Цветков), следственному эксперименту (Л. Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, Н. И. Гуковская), проверке показаний на месте (А. Н. Васильев, С. С. Степичев, Л. А. Соя-Серко, М. Н. Хлынцов), назначению экспертизы (С. В. Бородин, А. В. Дулов, И. Ф. Крылов, А. Я. Палиашвили, И. Л. Петрухин, Р. Д. Рахунов, М. А. Чельцов, В. И. Шиканов, А. Р. Шляхов, А. А. Эйман). Разработан ряд действенных тактико-криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности доказывания, решены многие спорные вопросы, касающиеся процедуры отдельных следственных действий и оценки их результатов.

В то же время менее исследованными оказались общие свойства, присущие всем следственным действиям, а также общие закономерности их проведения. В связи с неоднозначным определением в законе термина «следственное действие» научное понятие следственного действия продолжает оставаться дискуссионным, различно трактуются круг следственных действий и их система. В той или иной мере этих вопросов касались в своих работах Г. А. Абдумаджидов, И. Е. Быховский, А. И. Баянов, А. Н. Гусаков, И. Ф. Герасимов, И. М. Лузгин, Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, Л. Е. Сигалов. Но и они не ставили своей целью выработать общее представление о познавательной и нормативной структуре следственных действий, исследовать роль следственных действий в самом формировании доказательств, выявить зависимость их процессуальной формы от особенностей подлежащих отображе-

нию следов. Между тем все эти аспекты, и особенно последний, являются весьма значимыми. Ошибки органов расследования и суда в установлении истины обусловлены не только неясностью представлений о самой сущности собирания доказательств. Они бывают связаны с неправильным выбором того или иного следственного действия, неточными представлениями о его познавательных возможностях, упрощением процедуры проведения⁶. Порой помехой доказыванию служит несовершенство нормативного регулирования. Устранение этих недостатков требует изучения познавательного и процессуального аспектов следственных действий с последующей их систематизацией, разработкой мер по совершенствованию правовой регламентации и практики собирания доказательств. Этим определяется актуальность диссертационного исследования как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Цель исследования — анализ наиболее общих проблем собирания доказательств, построение теоретической концепции этой деятельности: определение сущности собирания доказательств и его места в системе доказывания, выявление особенностей собирания доказательств на отдельных стадиях процесса, специфики применяемых для этого способов. Ставится задача разработки исходных положений теории следственных действий: определения следственных действий как решающего фактора в формировании доказательств, их внутренней структуры, основных черт нормативного регулирования, системной организации и направлений развития. На этой основе мыслится создать обобщенную модель следственного действия, использовать ее для изучения правовой регламентации собирания доказательств и разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства, повышению эффективности и качества правоприменительной деятельности.

Научная новизна исследования состоит прежде всего в последовательном распространении на собирание доказательств ленинской концепции познания как многократного,

⁶ См., например: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946 — 1964. — М.: Юрид. лит., 1964, с. 99, 103, 105, 126, 138, 142, 177, 178; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 5, с. 37, 1971, № 2, с. 37; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 1, с. 14, 1971, № 5, с. 14, 1971, № 11, с. 9, 1973, № 4, с. 9, 1978, № 1, с. 7, 1980, № 1, с. 10. Убедительные примеры проведения ненадлежащих следственных действий содержатся в обзоре «Судебная экспертиза по уголовным делам». (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 3, с. 37—44).

опосредствованного отражения внешнего объекта. В процессуальной науке положения теории отражения чаще всего использовались для объяснения процессов образования следов изучаемого события. В результате нового подхода системному анализу подвергаются объекты, отображаемые при собирании доказательств (следы события определенного вида), соответствующие им познавательные процедуры (те или иные способы собирания доказательств) и получаемые результаты (доказательства определенного вида). Такой подход, исходя из адекватности предмета и методов познания, помогает преодолению наблюдающегося подчас в процессуальной науке разрыва между анализом сущности доказательств, с одной стороны, и способов их получения, с другой. Эти объекты нередко «разводятся» по разным разделам науки уголовного процесса: доказательства включаются в теорию доказательств, а следственные действия — в разделы о предварительном и судебном следствии. Комплексный подход к проблеме позволил рассмотреть собирание доказательств как процесс исследования специфических следов события с помощью строго дифференцированных средств, результатом чего является формирование доказательств определенного вида. На этой основе сформулировано понятие собирания доказательств как отражения следов изучаемого события, выявлена внутренняя структура этой деятельности, охватывающая поисковые, познавательные, удостоверительные и правообеспечительные операции, по-новому определена сущность фиксации доказательств, разработана классификация форм фиксации, показана единая правовая природа и общность процессуальной формы способов собирания доказательств на предварительном и судебном следствии. Системный анализ основного способа собирания доказательств, следственного действия, позволил связать его внутреннюю познавательную структуру с особенностями подлежащих отображению следов, представить совокупность норм, регулирующих его проведение, в качестве института, имеющего общие для всех следственных действий нормативные элементы, определить место этого института в системе уголовно-процессуального права. В диссертации очерчены границы системы следственных действий, раскрыта ее внутренняя упорядоченность, предложены гарантии более эффективного обеспечения публичного интереса, а также неразрывно связанных с ним прав и законных интересов участников следственных действий.

Автором предложены структурные модели следственного

действия в качестве инструмента для исследования нормативного материала и решения проблем, возникающих в следственной и судебной практике. Это дало возможность оценить перспективы развития следственных действий, выявить проблемы и неоправданные различия в их правовом регулировании, разработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

В работе обосновываются следующие выносимые на защиту основные положения:

1. Собираание доказательств как чувственно-практическая основа и первоначальный этап доказывания — это активный и целенаправленный процесс поиска и отражения в сознании следователя (судьи) объективно существующих следов события, сопровождающийся преобразованием фактических данных и завершающийся фиксацией этих данных в материалах дела. Деятельность по собиранию доказательств реализуется в правоотношениях между управомоченным государственным органом и обвиняемым, потерпевшим, защитником, экспертом, свидетелями, другими участвующими в доказывании лицами.

2. Собираание доказательств осуществляется на всех стадиях процесса. Правовые формы этой деятельности изменяются соответственно особенностям складывающейся в каждой стадии познавательной ситуации. Последняя формируется в силу определяемых законом новых познавательных задач и новых условий процессуальной деятельности.

3. Наиболее эффективным и широко применяемым способом собирания доказательств является следственное действие. Исходя из общности познавательной функции и процессуальной формы, к числу следственных могут быть отнесены действия по собиранию доказательств, осуществляемые как на предварительном, так и на судебном следствии. В гносеологическом аспекте следственное действие представляет собой комплекс применяемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отображению содержащейся в них доказательственной информации.

4. Нормы, регулирующие производство каждого следственного действия, представляют собой упорядоченную по общему для всех следственных действий принципу и объединенную однотипной структурной связью систему правил, обеспе-

чивающих отыскание, восприятие, закрепление искомых фактических данных. С учетом специфики регулируемых отношений данный правовой комплекс можно считать самостоятельным институтом уголовно-процессуального права — институтом следственного действия, структура которого охватывает: а) основания проведения следственного действия; б) правила осуществления познавательных и удостоверительных операций; в) средства обеспечения законных интересов участников; г) меры принуждения, применяемые в необходимых случаях к недобросовестным участникам.

5. В качестве элемента уголовно-процессуальной деятельности, следственное действие выступает как акт применения уголовно-процессуального права следователем или судом, охватывающий: а) анализ ситуации, сопоставление ее с нормативными предписаниями и принятие решения о получении доказательства; б) реализацию решения путем осуществления поисковых и познавательных операций, побуждения участников к выполнению обязанностей, обеспечения их прав; в) принятие промежуточных решений в целях эффективного управления ходом познавательной деятельности; г) отражение в материалах дела хода и результатов следственного действия.

6. Общность юридической конструкции норм, регулирующих производство следственных действий, равно подчинение их принципам судопроизводства, необходимость сочетания следственных действий в практике доказывания позволяет рассматривать их совокупность как организованную систему. Упорядоченность системы следственных действий раскрывается при классификации составляющих ее элементов по наиболее существенным основаниям — особенностям подлежащих отображению следов.

Многие из этих положений, а также вытекающие из них рекомендации, впервые сформулированные автором⁷, в последующем получили поддержку других исследователей. Как полагает автор, предложенные им решения методологических и правовых проблем собирания доказательств в своей совокупности представляют теоретическую концепцию собирания до-

⁷ См.: Шейфер С. А. Познавательное значение следственных действий и их система. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. — М.: Юрид. лит., 1972, с. 54—70. Он же: Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. — 130 с. Он же: Сущность собирания доказательств в стадии предварительного расследования. — Труды Всесоюз. юрид. заочн. инст., т. XX. Проблемы укрепления законности и охраны прав личности в уголовном процессе. М., 1972, с. 127—162.

казательств и исходные положения теории следственных действий. В этом усматривается перспективность данного направления, научная и практическая значимость проблем, решаемых в настоящей работе.

Методологической основой работы явились положения диалектического и исторического материализма, разработанные в трудах классиков марксизма-ленинизма. Важное значение придавалось ленинской теории отражения, предопределившей как общее направление исследования, так и подход к отдельным проблемам. Диссертант опирался также на решения съездов КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, другие директивные документы партии и правительства. Особое внимание уделено решениям XXV и XXVI съездов КПСС, нацеливающим на повышение эффективности всех звеньев государственного механизма, выдвижение на первый план не количественной, а качественной стороны дела, применение методов комплексного решения крупных проблем, организацию научных исследований на стыке различных наук, в новых, перспективных направлениях, соединение науки с практикой, отыскание резервов для интенсификации производственной деятельности. Широко использована литература по марксистско-ленинской теории познания, логике, психологии, семиотике, системно-структурному подходу, теории информации.

При подготовке работы использовались и такие методы исследования, как сравнительное правоведение, программированное статистическое наблюдение, логико-структурный анализ.

Информационная база исследования включает в себя действующее советское законодательство и практику его применения. Нормативной основой диссертации являются Конституция СССР, общесоюзное уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, подзаконные акты (руководящие разъяснения Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР, приказы и указания Генерального прокурора СССР, приказы Министра внутренних дел СССР, инструкции о проведении экспертиз разного вида). В плане сравнительного правоведения изучалось уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических стран. В диссертационном исследовании также использованы результаты программированного изучения более тысячи уголовных дел, расследованных в Куйбышевской и

Пензенской областях, опубликованные материалы следственной и судебной практики по вопросам собирания доказательств. Автором использован и личный многолетний опыт следственной работы.

Апробация результатов исследования. Теоретические концепции автора изложены им в двух монографиях (1972 и 1981 гг.) и ряде научных статей, а также в выступлениях на Всесоюзной научно-координационной конференции «Задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР» (Москва, 1979 г.), на научно-практических конференциях, организованных следственными управлениями Прокуратуры СССР и МВД СССР в г. Ленинграде (1976 и 1979 гг.), научной конференции, организованной Прокуратурой СССР в связи с пятидесятилетием советской прокуратуры (Москва, 1972 г.), научно-практических конференциях в Ярославле (1976, 1977 гг.), Куйбышеве (1974, 1981 гг.), на расширенном координационном совещании по проблемам уголовного процесса (Калининград, 1977 г., Москва, 1979 г.), на теоретическом семинаре по актуальным проблемам доказывания во ВНИИ МВД СССР (Москва, 1981 г.)⁸, на семинарах и совещаниях следователей Куйбышевской и Пензенской областей в 1972—1981 гг.

Основные идеи диссертационного исследования реализованы в опубликованных предложениях о совершенствовании действующего законодательства (некоторым из этих предложений соответствуют последующие изменения уголовно-процессуального закона и подзаконных актов), в информационных письмах (о задержании подозреваемых, проверке показаний на месте, проведении судебно-медицинской экспертизы, предъявлении для опознания, применении видеозаписи, применении судебно-медицинских познаний в стадии возбуждения уголовного дела), направленных следователям Куйбышевской и Пензенской областей в 1973—1981 гг. Они легли также в основу разработанных и преподаваемых автором на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета спецкурсов «Проблемы теории доказательств» и «Предварительное следствие».

В то же время ряд рекомендаций, направленных на совершенствование закона, регулирующего собирание доказательств, а также практики его применения, ждет своего рас-

⁸ Материалы 9 выступлений опубликованы в печати.

смотрения. Эти рекомендации изложены в заключении диссертации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, в котором аргументируется актуальность темы и избранный автором подход к ее исследованию, шести глав, заключения, обобщающего рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, а также девяти таблиц и списка литературы. Последовательность изложения материала отражает внутреннюю логику исследования, которое начинается с анализа сущности собирания доказательств, его места в системе доказывания и способов осуществления этой деятельности (главы I и II), затем переходит к общей характеристике следственного действия, как наиболее эффективного способа собирания доказательств (главы III и IV) и завершается детальным анализом процессуальной формы следственного действия в стадии предварительного расследования (главы V и VI).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе первой «Собирание доказательств в системе познавательной деятельности по уголовному делу» предпринята попытка сформулировать наиболее общие положения, образующие в совокупности научную концепцию собирания доказательств. Диссертант полемизирует с учеными, рассматривающими доказывание по уголовному делу как особый способ передачи информации и обоснования установленных фактов, т. е. отождествляющими доказывание с чисто умственным, интеллектуальным процессом, именуемым в логике доказательством (А. А. Эйсман, И. М. Лузгин). При такой трактовке собирание доказательств фактически выводится за пределы доказывания. Между тем доказывание нельзя трактовать столь узко и противопоставлять осуществляемому в уголовном судопроизводстве познанию. Присоединяясь к позиции М. С. Строговича о единстве познания и доказывания, диссертант показывает невозможность «отсечения» обосновывающей деятельности от самого процесса извлечения знаний: оба вида деятельности присущи каждому акту доказывания. В связи с этим опровергаются утверждения, согласно которым обосновывающий аспект доказывания реализуется после того, как исчерпана познавательная задача доказывания, т. е. после того, как объективная истина уже установлена (Э. С. Зеликсон, Г. Р. Домбровский). Собирание доказательств — органи-

ческий, неотделимый элемент уголовно-процессуального познания, т. е. доказывания. Ему, как и всему доказыванию, присущи одновременно познавательная и удостоверительная стороны. Поскольку доказывание берет начало от восприятия источников информации с помощью органов чувств, собирание доказательств рассматривается как исходный этап доказывания, его чувственно-практическая основа.

«Познание, — писал В. И. Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...»⁹. Данное положение в полной мере применимо к доказыванию. Не только весь процесс доказывания, но и его начальный этап, собирание доказательств, может быть понят как акт познания лишь в свете теории отражения. В отличие от доказывания в целом, являющегося ретроспективным отражением, собирание доказательств представляет собой отражение объектов, существующих в настоящем. В диссертации подчеркивается многократность отражательных процессов, сопровождающих собирание доказательств. Исследуемое событие, отражаясь в окружающей обстановке, порождает в ней непосредственные и опосредованные отпечатки — следы события. Это первичное его отражение, объективная основа будущих доказательств. Сами же доказательства формируются в процессе «вторичного отражения», в результате восприятия следов следователем или судом и закрепления их в материалах дела. Под таким углом зрения собирание доказательств — это система действий следователя или суда, направленных на восприятие следов изучаемого события и сохранение возникающего при этом познавательного образа с помощью средств процессуальной фиксации. Собирание доказательств обладает чертами, присущими любому отражательному процессу: оно сопровождается изменениями состояний отражающей системы (т. е. сознания следователя, судьи), эти изменения производны от оригинала (т. е. изучаемого следа), особенности оригинала воспроизводятся отражающей системой в иной форме. Анализ этих черт позволяет охарактеризовать результат отражения, т. е. доказательство, как объективно-субъективную категорию. Объективность доказательств в том, что содержащиеся в нем сведения возникли независимо от сознания познающего субъекта (следователя, судьи). Субъективность же доказательства в

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 163, 164.

том, что оно — результат избирательного и целенаправленного отражения внешних обстоятельств познающим субъектом, сопровождающегося отбором искомым фактических данных и их последующим преобразованием в предписанную законом форму. Не будучи абсолютной копией, «зеркальным» отражением изучаемого объекта (т. е. следа), доказательство адекватно передает его содержание лишь при условии, что следователь (суд) обеспечил изучение объекта в достаточном числе «разрезов» (системообразующих связей), каждый из которых выражает существенные, с точки зрения задач доказывания, свойства объекта. Все это позволяет охарактеризовать собирание доказательств как активную, избирательную и целенаправленную познавательно-удостоверительную деятельность, в ходе которой доказательства — следы преобразуются в доказательства в уголовно-процессуальном смысле, т. е. происходит формирование доказательств. Учитывая, что к моменту начала этой деятельности доказательства в процессуальном смысле еще не существуют, термин «собираемые доказательства» следует признать несколько условным.

Будучи элементом доказывания, собирание доказательств само имеет сложный внутренний состав и поэтому может быть представлено как системный объект. Под этим углом зрения в диссертации подвергнуты анализу различные научные представления о структуре собирания доказательств. Нельзя признать убедительными суждения о том, что в данный этап доказывания входит непроцессуальная (розыскная, оперативно-розыскная) деятельность по обнаружению объектов, несущих доказательственную информацию. При таком представлении собирание доказательств утрачивает структурную определенность, в процессуальную деятельность вводятся методы оперативно-розыскной работы, что противоречит действующему законодательству. Непроцессуальные мероприятия по обнаружению носителей информации оказывают существенную помощь в собирании доказательств, однако лежат за пределами доказывания как деятельности процессуальной. В то же время в ряде случаев (осмотр, обыск и др.) поисковые мероприятия осуществляются в процессуальной форме, выступают самостоятельными структурными элементами собирания доказательств. Анализируя широко распространенные в процессуальной науке представления о собирании доказательств как об их обнаружении и закреплении, диссертант отмечает неточность этих представлений, отодвигающих на второй план наиболее активный познавательный элемент данной

деятельности — извлечение фактических данных из определенного источника. Эта операция далеко не всегда совпадает с обнаружением информации и поэтому должна быть признана самостоятельным структурным элементом собирания доказательств. Высказывается несогласие с авторами, которые отводят фиксации доказательств роль самостоятельного, следующего за собиранием доказательств элемента доказывания. Отрыв удостоверительных операций от познавательных уничтожил бы самый результат отражения: психический образ, возникший в сознании следователя (судьи) при восприятии следов, не имел бы никакой познавательной ценности; собирание доказательств не могло бы считаться завершенным. Неотделимость фиксации от собирания доказательств проявляется и в том, что методы фиксации обусловлены методами восприятия информации, а те и другие в конечном счете — формой информации. В отличие от традиционных представлений фиксация доказательств определяется как система осуществляемых в соответствии с уголовно-процессуальным законом действий следователя (суда), направленных на преобразование воспринятой им доказательственной информации, а также информации об источниках, условиях и способах ее получения, в форму, обеспечивающую максимально полное сохранение и использование этих данных в целях доказывания.

Важнейшим структурным элементом собирания доказательств диссертант считает правообеспечительные операции. Познавательная деятельность в уголовном процессе осуществляется в рамках правоотношений, субъектами которых являются, с одной стороны, уполномоченный государственный орган, а с другой, — обвиняемый, его защитник, подозреваемый, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, иные участники. Это порождает обязанность лица, проводящего дознание, следователя, прокурора, суда обеспечить участникам собирания доказательств фактическую возможность реализации своего правового статуса. В этих целях необходимы специальные правообеспечительные действия уполномоченного государственного органа. Они охватывают меры по реализации субъективных прав граждан, гарантирующие полноту и объективность отображения фактических данных (вызов нужных участников, разъяснение их прав в следственных действиях, создание необходимых условий для осуществления прав и т. п.). Таким образом, структура деятельности по собиранию доказательств охватывает поисковые, познавательные, удостоверительные и правообеспечительные операции.

Вторая глава диссертации «Способы собирания доказательств» содержит системный анализ форм познавательной деятельности на различных стадиях процесса. Закон закрепил четыре относительно самостоятельных способа собирания доказательств: а) производство следственных действий; б) истребование предметов и документов; в) требование о производстве ревизии; г) принятие доказательств, представленных участниками процесса, гражданами и должностными лицами (ст. 70 УПК РСФСР). Чтобы определить специфику каждого из этих способов и сферу их применения, предпринята попытка выявить закономерности, которым подчинено развитие познавательной деятельности в процессе перехода уголовного дела из одной стадии в другую. Рассмотрение доказывания как динамической системы последовательно сменяющихся от одной стадии процесса к другой взаимосвязанных познавательных циклов позволяет сделать вывод, что изменение правовых форм собирания доказательств обусловлено изменением познавательной ситуации. В общетеоретическом плане данное понятие связывает между собой познавательную проблему, породившую ситуацию, предмет исследования, ожидаемый результат и средства реализации исследования. В сфере доказывания эти элементы ситуации не определяются каждый раз заново следователем и судом, а заранее предусматриваются законодателем. Закрепляя в нормах закона типичную для каждой стадии процесса познавательную ситуацию, законодатель исходит из: 1) достигнутого на предыдущем этапе уровня знаний о доказываемых фактах и их правового значения для последующей стадии; 2) познавательных задач, требующих решения на новом этапе; 3) правового статуса лиц, участвующих в доказывании на новом этапе; 4) особенностей действия здесь принципов процесса. Соответственно этому определяются и правовые средства решения познавательных задач.

Характеризуя познавательную ситуацию в стадии возбуждения уголовного дела, диссертант присоединяется к позиции В. Д. Арсеньева, Ц. М. Каз, Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, Г. М. Миньковского, А. Р. Ратинова, Л. Т. Ульяновой, Ф. Н. Фаткуллина, В. Г. Танасевича и других ученых, полагающих, что доказывание имеет место и на этом этапе процесса. Будучи направленным на выявление наличия либо отсутствия признаков преступления, оно начинается в условиях значительной информационной неопределенности. Способы

ее преодоления определяются с учетом принципов публичности и неприкосновенности личности. Быстрое и активное реагирование на каждый сигнал о совершенном преступлении предполагает использование приемов сбора информации, свободных от формальностей, могущих затруднить обращение граждан и организаций к органам государства; проверка полученных сведений не должна сопровождаться применением мер процессуального принуждения.

С переходом в стадию предварительного расследования доказывание, продолжаясь в условиях все еще существенной информационной неопределенности, направляется на решение более широкой познавательной задачи — установление предмета доказывания. Важными факторами познавательной ситуации являются: необходимость проверки исчерпывающей системы версий, жесткие сроки исследования, возможность противодействия со стороны некоторых лиц. В этих условиях на первый план выдвигаются способы собирания доказательств, обеспечивающие активный и целенаправленный поиск нужных сведений, возможность применения принудительных мер. Передача информации по инициативе граждан и должностных лиц приобретает здесь вспомогательное значение.

Завершение расследования и направление дела для решения вопроса о предании суду существенно изменяет познавательную ситуацию. С учетом контрольного характера данной стадии задачи доказывания ограничиваются проверкой полноты расследования, законности и обоснованности предъявленного обвинения. Поэтому основным содержанием доказывания становится оценка в пределах указанных задач уже собранных доказательств. Пополнение доказательственного материала в целях более обоснованного решения вопроса о предании суду и создания необходимых предпосылок для установления истины в судебном заседании не может осуществляться путем производства следственных действий.

Познавательная ситуация, складывающаяся в стадии судебного разбирательства, определяется особой функцией субъекта познания — суда, а также значимостью решаемой им познавательной задачи.

Исследовательская деятельность суда строится с учетом принципов коллегиальности, гласности, устности и непосредственности. Специфической чертой исследования становится участие в нем субъектов с противоположными интересами и равными правами в доказывании. Существенно меняется и

познавательная проблема: на первый план выдвигается определение достоверности и достаточности собранных доказательств, они заново подвергаются исследованию, выбор средств которого predetermined видом доказательства. Становится невозможным распределение обязанности собирания доказательств по одному делу между несколькими правоприменительными органами, исключается чередование актов собирания доказательств по разным делам. Исследование источников информации осуществляется в заранее установленной судом последовательности, познавательные действия приобретают многосубъектность, суд осуществляет коллективный отбор искомой информации.

В стадиях пересмотра приговоров происходит существенное ограничение познавательных задач. Этому соответствует и такое специфическое условие познавательной деятельности, как отсутствие непосредственности. Пополнение доказательственного материала по инициативе участников пересмотра, а также по инициативе суда возможно лишь в весьма ограниченных пределах и без производства следственных действий. Основным содержанием доказывания здесь, как и в стадии предания суду, становится оценка доказательств.

39065
Перечисленные особенности определяют собой правовые формы собирания доказательств на отдельных стадиях процесса. Анализ их позволяет сделать вывод, что в стадии возбуждения уголовного дела применимы такие способы собирания доказательств, как: а) получение уполномоченными органами государства сообщений о совершенном или готовящемся преступлении; б) непосредственное обнаружение ими признаков преступления; в) процессуальные действия по проверке полученных сообщений. Каждый из этих способов подвергается детальному анализу, обосновываются предложения по совершенствованию доказывания на этом этапе процесса.

В диссертации исследована дискуссионная проблема определения объема понятия «следственное действие». Законодатель понимает под следственными действиями либо все процессуально значимые акты поведения следователя, либо его действия по собиранию доказательств, либо познавательные действия не только следователя, но и суда. Представляется, что в основу словоупотребления может быть положена специфическая направленность следственных действий. Они имеют целью установление истины, заключаются в исследовании обстоятельств дела, составляют основное содержание предва-

рительного и судебного следствия. Учитывая принципиальную общность способов осуществления познавательной деятельности как на предварительном, так и на судебном следствии, правомерно именовать следственными действия следователя и суда по собиранию доказательств. В связи с этим требует уточнения и язык уголовно-процессуального закона.

В диссертации критически рассмотрено распространенное представление, согласно которому истребование доказательств, а также принятие доказательств, представленных гражданами и должностными лицами (ст. 70 УПК РСФСР), реализуются в рамках других следственных действий — осмотра, обыска, выемки, допроса (П. С. Элькин, Ю. К. Орлов). Анализ языка закона и практики доказывания свидетельствуют, что истребование и принятие предметов и документов являются самостоятельными способами собирания доказательств. В диссертации раскрываются специфические черты этих приемов, определяются пределы их применения. Самостоятелен и другой предусмотренный законом прием — требование о производстве ревизии (ст. 70 УПК РСФСР). Указанное действие порождает определенные процессуальные отношения между следователем и соответствующим учреждением, организацией, предприятием. Хотя сама ревизия продолжает оставаться институтом административного права, комплекс действий, связанных с назначением ревизии и представлением следователю ее результатов (акта ревизии), носит процессуальный характер. Данному способу собирания доказательств следует придать более универсальное значение. В целом истребование предметов и документов, принятие их от граждан и должностных лиц, требование о производстве ревизии — это формирующиеся следственные действия. Они нуждаются в дальнейшей правовой регламентации.

Рассматривая вопрос о круге следственных действий, допустимых в стадии судебного разбирательства, диссертант приходит к выводу, что особенности складывающейся здесь познавательной ситуации исключают применение познавательных приемов, сопряженных с преодолением возможного противодействия недобросовестных участников. В связи с этим предлагается предоставить суду право в необходимых случаях поручать проведение обыска и выемки органам милиции.

Подвергается критическому анализу широко распространенный в процессуальной науке взгляд, согласно которому суд прибегает к собиранию доказательств лишь для воспол-

нения пробелов предварительного расследования. Такой взгляд не учитывает значения судебного следствия как нового и самостоятельного познавательного цикла. Допрос в суде лиц, уже давших показания на предварительном следствии, вызов в суд эксперта, давшего там заключение, — это действия, обладающие всеми чертами собирания доказательств. В результате суд получает новое доказательство, которое по своему содержанию может быть тождественным ранее полученному, а может и отличаться от него. В последнем случае возникает проблема оценки коллизии между «старым» и «новым» доказательством. Подобная ситуация складывается иногда и при судебном осмотре вещественных доказательств.

Диссертант присоединяется к ученым (М. С. Строгович, П. С. Элькинд, П. А. Лупинская), выступающим против предоставления кассационным и надзорным инстанциям права допрашивать свидетелей и потерпевших, назначать экспертизы. Эта позиция мотивируется тем, что исследование доказательств в условиях непосредственности не соответствовало бы особенностям познавательной ситуации, складывающейся в вышестоящем суде. Взаимосвязь познавательных циклов не всегда состоит в том, что последующий цикл осуществляется с применением более эффективных средств познания. В стадиях пересмотра приговоров в кассационном и надзорном порядке решаются специфические познавательные задачи, которые исключают применение несоответствующих познавательных средств — следственных действий. Игнорирование этого может привести к нарушению системы правоотношений, складывающейся в контрольных стадиях, к нарушению прав участников процесса.

Таким образом, каждой стадии процесса соответствуют внутренне ей присущие способы собирания доказательств. Фактические данные, выступающие в одной стадии в форме документов (заявления граждан, рапорты работников милиции, справки о результатах общенадзорных проверок, акты обследований и ведомственных экспертиз), в последующих стадиях в результате применения более эффективных исследовательских процедур приобретают иную процессуальную форму (показаний, заключений эксперта и т. д.), не утрачивая при этом своего первоначального доказательственного значения.

Третья глава «Следственное действие: познавательный и процессуальный аспекты» посвящена наиболее общей харак-

теристике основного способа собирания доказательств. В процессуальной литературе широко распространены определения следственных действий как процессуальных действий (или видов деятельности) следователя по обнаружению, исследованию и фиксации доказательств (Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, И. Е. Быховский, И. М. Лузгин, Г. А. Абдумаджидов, О. Я. Баев и др.). Правильно фиксируя цель, стоящую перед следователем, — получение доказательств — такие определения не раскрывают способов ее достижения, позволяя предполагать, что доказательства существовали и до проведения следственного действия. Между тем роль следственного действия состоит именно в формировании доказательств, а не в простом «завладении» ими.

Это существенное свойство следственного действия раскрывается при анализе взаимосвязи его объекта, цели и методов ее достижения.

Анализ уголовно-процессуального закона (ст. ст. 165, 179, 182, 183 УПК РСФСР) и практики доказывания показывает, что в следственных действиях находят применение такие обобщенные в правовую форму методы познания, как наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, моделирование. Для извлечения вербальной (выраженной в слове) информации применяется метод, обозначенный диссертантом как расспрос — постановка задачи на воспроизведение (ст. ст. 158, 184 УПК РСФСР и др.). Все эти методы носят общий характер, так как применяются с некоторыми модификациями во многих сферах научного и практического «фактофиксирующего» познания, хорошо изучены как в гносеологии, так и в криминалистике (Р. С. Белкин, И. М. Лузгин, Н. А. Якубович и др.). Однако нельзя признать достаточным анализ указанных методов в плане определения познавательной структуры каждого следственного действия.

Опираясь на известное положение марксистско-ленинской гносеологии о взаимосвязи объекта и методов познания, диссертант приходит к выводу, что специфика каждого следственного действия определяется тем, какие методы познания используются при его проведении. В свою очередь сочетание этих методов предопределено особенностями объекта, подлежащего отображению.

Непосредственным объектом, исследуемым в ходе осмотра, обыска, допроса и любого другого следственного действия, являются следы события, содержащие в себе доказатель-

ственную информацию. Они обладают рядом типических свойств, что позволяет объединить их в однородные группы. В этом аспекте основаниями классификации служат различия в форме выражения информации. Соответственно можно выделить: следы, в которых информация выражена либо в физических признаках материальных объектов, либо в образах памяти; следы, содержащие «скрытую» (извлекаемую лишь с помощью специалиста) и общедоступную информацию; следы, различающиеся сложностью (изолированные и интегрированные объекты). Конечное число таких групп меньше числа предусмотренных законом следственных действий: одни и те же следы оказываются объектами отображения в разных следственных действиях. Для выявления специфики следственного действия на более конкретном уровне возникает необходимость ввести дополнительный ограничительный критерий.

Таким критерием диссертант считает цель следственного действия. С учетом общетеоретических представлений цель следственного действия определяется как его ожидаемый познавательный результат. Поскольку собирание доказательств представляет собой социально-значимую деятельность, цель конкретного следственного действия, как и любая социально-значимая цель, формулируется заранее в виде конкретных требований. Она закрепляется в уголовно-процессуальном законе в виде указаний на извлечение из исследуемого объекта информации определенного вида и содержания (ст. ст. 168, 178, 181 УПК РСФСР). Цель следственного действия обеспечивает его последовательную «специализацию», т. е. приспособленность к получению доказательств определенного вида, накладывает отпечаток на форму того или иного метода, применяемого для ее достижения, превращая данный метод в предусмотренную законом систему познавательных и удостоверяющих операций. Таким образом, сформулированная законодателем цель следственного действия служит нормативным выражением пригодности комплекса определенных познавательных приемов к отображению искомой информации. В диссертации рассматриваются пределы применения конкретных методов познания в следственных действиях, вносится предложение о более четком нормативном описании познавательных операций, лежащих в основе освидетельствования, следственного эксперимента, получения образцов для сравнительного исследования.

Развивая и уточняя свое представление о следственном

действии, сформулированное в 1972 г., диссертант приходит к определению, в котором акцентируется познавательный аспект: следственное действие — это комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации.

В процессе собирания доказательств получает реализацию правовой статус обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, свидетелей, экспертов и других лиц. Поэтому следственное действие не сводится к системе свободно избираемых следователем технических и тактических приемов, а представляет собой систему правоотношений между следователем и указанными лицами. С учетом этого следственное действие анализируется в качестве объекта правового регулирования. В итоге делается вывод, что комплекс норм, предусматривающих каждое следственное действие, регулирует специфическую область отношений, ему присуща структурная обособленность, однотипная юридическая конструкция. Это позволяет рассматривать систему правовых требований, касающихся каждого отдельного следственного действия, в качестве самостоятельного дифференцированного правового института. В то же время в уголовно-процессуальном праве складывается обобщенный (генеральный) институт следственного действия, на что указывает нормативное вычленение правил, общих для всех следственных действий (ст. ст. 133¹, 134, 135, 141, 141¹ и 142 УПК РСФСР).

Исследование вопроса о месте института следственного действия в системе уголовно-процессуального права позволяет выявить его многообразные связи со смежными институтами, подчиненность принципам процесса, общим условиям предварительного следствия и судебного разбирательства. Делается вывод, что данный институт принадлежит одновременно трем подсистемам уголовно-процессуального права: предварительного следствия, судебного следствия и доказательственного права. Включение его в подсистему доказательственного права подчеркивает однотипность процессуальных отношений, возникающих при собирании доказательств на предварительном следствии и в суде, единую природу применяемых для этого способов. При таком положении система норматив-

ных предписаний, образующих обобщенный (генеральный) институт следственного действия, должна быть включена в общую часть доказательственного права с тем, чтобы служить наиболее универсальным критерием допустимости доказательств. Отдельный (дифференцированный) институт — это структурный элемент особенной части доказательственного права, неотделимый от правовых требований, определяющих допустимость отдельных доказательств.

Являясь промежуточным структурным звеном уголовно-процессуального права, институт следственного действия имеет собственную внутреннюю организацию. С целью выявления ее наиболее существенных элементов и их взаимосвязи предпринят логико-структурный анализ норм, регламентирующих по законодательству союзных республик производство всех следственных действий. Вычленение наиболее важных однородных предписаний позволило прийти к выводу, что структурная модель следственного действия охватывает три взаимосвязанные группы правил. Первая из них определяет условия, при которых возможно проведение следственного действия, т. е. его правовое основание. Вторая, наиболее многочисленная, охватывает правила поведения следователя и других участников следственного действия, устанавливая: а) круг участников, содержание их прав и обязанностей; б) гарантии прав и законных интересов этих лиц; в) сущность поисковых и познавательных операций и условия, обеспечивающие их эффективность; г) содержание удостоверительных операций. Третья группа определяет меры принуждения, применяемые в необходимых случаях к недобросовестным участникам, чтобы добиться выполнения ими процессуальных обязанностей. Совокупность этих правил обеспечивает не только достаточный познавательный эффект следственного действия, но и обоснованность решения о его проведении, соответствие познавательной деятельности принципам процесса, правовому статусу его участников, их законным интересам.

Анализируя следственное действие в деятельностном аспекте, диссертант рассматривает его как акт применения уголовно-процессуального права. Сконструированная на этой основе динамическая модель следственного действия охватывает собой: а) анализ следователем (судом) ситуации, сопоставление ее с нормативными предписаниями и принятие решения о получении доказательств; б) реализацию решения путем осуществления поисковых и познавательных операций, побуждения привлеченных лиц к исполнению своих обязанно-

стей, создания для этого, а также для реализации их прав необходимых условий; в) принятие промежуточных решений в целях эффективного управления ходом познавательной деятельности; г) фиксацию ее хода и результатов. Такое представление о следственном действии подчеркивает строгую правовую основу его проведения, устраняет моменты субъективизма, акцентирует внимание на обеспечении прав граждан и мерах по реальному достижению целей следственного действия.

Четвертая глава «Система следственных действий» содержит дальнейший общий анализ следственных действий, что достигается рассмотрением их совокупности в качестве сложно организованного и упорядоченного объекта. Основанием для такого подхода является выявленная ранее общность черт, присущих разным следственным действиям: реализация в них однотипных познавательных операций, общность юридической конструкции и принципов нормативного регулирования.

Чтобы описать систему следственных действий, необходимо выявить свойства, присущие ей как сложно организованному объекту. Взаимосвязь следственных действий прежде всего обусловлена объективной связью следов изучаемого события. В практике собирания доказательств это приводит к необходимости соответствующим образом комбинировать следственные действия. Учитывая, что следственные действия взаимно подкрепляют и усиливают друг друга, исключение какого-либо из них из общей системы привело бы к нарушению целостности, т. е. внутренних связей системы, к снижению эффективности ее реального функционирования.

Целостность системы следственных действий раскрывается также при определении границ, отделяющих следственные действия от иных процессуальных действий. С этой точки зрения неприемлемо, например, отнесение к следственным действиям наложения ареста на имущество (И. Е. Быховский). Данный процессуальный акт носит лишь распорядительный характер, не содержит в себе познавательных операций, предназначенных для целенаправленного извлечения информации. Поэтому он не является способом собирания доказательств и не должен применяться взамен таких приемов обнаружения ценностей, как осмотр и обыск.

Для определения границ системы необходимо определить, является ли тот или иной прием доказывания ее самостоя-

гельным элементом либо разновидностью уже известного закону следственного действия. Решая эту задачу, диссертант руководствуется познавательным критерием — наличием либо отсутствием специфической познавательной цели. С этой точки зрения предусмотренное законодательством некоторых союзных республик судебно-медицинское освидетельствование нельзя признать самостоятельным следственным действием. Оно представляет собой разновидность судебно-медицинской экспертизы, ибо направлено на достижение целей, специфичных для экспертизы. Точно так же эксгумация (ч. 2 ст. 180 УПК РСФСР), хотя и осуществляется в процессуальной форме, не обеспечивает сама по себе получения доказательственной информации и выступает лишь технической предпосылкой осмотра либо экспертизы. С другой стороны, нельзя считать разновидностью экспертизы получение образцов для сравнительного исследования. В этом случае путем моделирования следователь целенаправленно извлекает достаточную по объему искомую информацию, несомненно имеющую доказательственную ценность. Поэтому, хотя образцы и подлежат дальнейшему исследованию с помощью экспертизы, данный прием следует признать самостоятельным следственным действием. Познавательный критерий используется и для оценки такого остающегося остро дискуссионным приема доказывания, как «проверка показаний на месте». Анализ практики свидетельствует, что данный прием обеспечивает получение самостоятельного познавательного результата лишь тогда, когда он позволяет выявить совпадения либо несовпадения показаний с окружающей обстановкой. В остальных случаях «проверка на месте» утрачивает сложную познавательную структуру, превращаясь в разновидность допроса на местности. Поэтому целесообразна более четкая нормативная регламентация содержания и целей данного следственного действия.

Система следственных действий, по мнению диссертанта, охватывает следующие предусмотренные законом элементы и их разновидности: 1. Допрос (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля). 2. Очную ставку. 3. Назначение экспертизы (в том числе и судебно-медицинского освидетельствования). 4. Осмотр (места происшествия, трупа, местности, помещений, предметов и документов). 5. Освидетельствование. 6. Сбыск (личный, помещений, местности, находящейся в чьем-либо правомерном владении). 7. Выемку (обычную, документов, содержащих государственную тайну, почтово-телеграфной корреспонденции). 8. Следственный эксперимент.

9. Предъявление для опознания (личности, предметов, трупа).
10. Получение образцов для сравнительного исследования.
11. Задержание подозреваемого. 12. Проверку показаний на месте. По мере совершенствования процедуры применения таких приемов доказывания, как истребование предметов и документов, принятие доказательств, представленных гражданами, требование о производстве ревизии (ст. 70 УПК РСФСР), они также могут стать самостоятельными элементами системы.

Важным свойством системы следственных действий является ее открытый характер. С момента принятия первых уголовно-процессуальных кодексов система следственных действий не оставалась неизменной. Обогатившись новыми познавательными приемами, усовершенствовав свою нормативную основу, она стала более дифференцированной, более приспособленной к отысканию и запечатлению различных фактических данных. Это позволяет считать, что и в дальнейшем система следственных действий будет развиваться и совершенствоваться.

Анализ закономерностей возникновения в прошлом новых следственных действий приводит к выводу, что пополнение системы — длительный, детерминированный многими факторами процесс. Сформировавшись как целостное образование с внутренней структурой, система следственных действий накладывает на этот процесс существенные ограничения, препятствуя «произвольному присоединению новых элементов, в известной мере предопределяя тот тип результатов, которые могут быть введены в систему»¹⁰. Это положение в первую очередь означает, что новыми следственными действиями могут стать лишь приемы, которые: а) соответствуют общим принципам уголовного судопроизводства как системы более высокого уровня, т. е. включают достаточные гарантии установления истины и обеспечения законных интересов участников следственного действия; б) соответствуют общим принципам функционирования системы, т. е. являются оригинальными, приспособленными к достижению специфической цели приемами отображения следов. Поэтому не каждый вновь возникающий в практике познавательный прием имеет перспективу стать следственным действием. Диссертант выступает против пополнения круга следственных действий так назы-

¹⁰ Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. — М.: Знание, 1972, с. 26.

ваемыми тактическим и психологическим экспериментами (А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко). В основе этих приемов лежат операции, совершаемые следователем втайне от участвующих в них лиц, что противоречит исходным принципам нормативного регулирования доказывания. Не может считаться самостоятельным следственным действием и реконструкция (И. Е. Быховский, И. М. Лузгин), ибо этот прием выступает подготовительным тактическим или техническим элементом других следственных действий и не обеспечивает сам по себе получения искомой информации. Нельзя согласиться и с предложением о закреплении в законе в качестве особой разновидности выемки «добровольной выдачи» (О. Я. Баев). Данный прием уже известен закону — это не что иное как представление доказательств по инициативе лица, им обладающего (ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР). Подобные действия в отличие от выемки реализуются в правоотношениях, возникающих по инициативе не следователя, а лица, обладающего доказательством.

Полагая, что в настоящее время отсутствуют достаточные основания для выделения каких-либо познавательных приемов в ранг самостоятельных следственных действий, диссертант считает перспективным исследование возможности закрепления в законе разновидностей допроса, связанных с передачей информации следователю, минуя описание или в дополнение к описанию. Сюда относится изготовление допрашиваемым рисунков и скульптурных изображений, воспроизводящих вид предметов и внешность людей, изготовление синтетических портретов (с использованием технических устройств типа фоторобота и айдентикит), воспроизведение поз и жестов. В подобных случаях с помощью моделирования преодолеваются трудности вербализации. Данная особенность передачи информации требует разработки соответствующей ей процессуальной формы. Представляет определенный интерес и возможность закрепления в законе допроса так называемых сведущих свидетелей.

Целостность и качественная определенность системы следственных действий проявляется в ее внутренней упорядоченности. Выявление этого свойства требует раскрытия связей между следственными действиями. Можно полагать, что системообразующая связь — это связь следственных действий, предназначенных к отображению однородных по какому-либо признаку следов. При таком подходе основания классифи-

кации следственных действий — это в первую очередь основания классификации однородных следов события.

По природе сигналов, несущих информацию, и соответствующим им методам отображения все следственные действия подразделяются на: 1) действия, направленные на получение вербальной информации, в основе которых лежит метод расспроса, т. е. допрос, очная ставка, назначение экспертизы; 2) действия, направленные на получение информации, выраженной в физических признаках, основанные на методе наблюдения: осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, получение образцов, следственный эксперимент и задержание; 3) действия, направленные на получение и вербальной и невербальной информации, основанные на сочетании методов расспроса и наблюдения, т. е. предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Смысл данной классификации — в разграничении принципиально разных путей получения информации, в предотвращении их подмены и наряду с этим в обосновании возможности их сочетания, когда это диктуется особенностями отображаемых следов. В частности, становится очевидным, что объяснения обвиняемого или подозреваемого, даваемые ими при осмотре, обыске, опознании и т. д., могут касаться лишь условий проведения данных действий и не должны подменять собой показаний этих лиц, получение которых должно происходить посредством допроса. С другой стороны, и допрос не должен заменять собой следственных действий, предназначенных к восприятию и фиксации физических признаков того или иного объекта, например, осмотра, сопровождающегося изготовлением слепков и оттисков.

По характеру (непосредственному или опосредствованному) процесса получения доказательственной информации все следственные действия делятся на две группы: 1) направленные на непосредственное отображение следов путем личного восприятия; 2) направленные на выявление «скрытой» информации путем проведения экспертизы. Данная классификация помогает уяснению познавательной сущности экспертизы и ее места среди других способов собирания доказательств. Диссертант показывает неточность взгляда на экспертизу как на одно из следственных действий, отмечая, что непосредственные познавательные операции производит не следователь, а эксперт. В то же время нельзя согласиться с отношением экспертизы к автономным формам познания в судопроизводстве. Подобная концепция неправомерно отрывает

познавательную деятельность эксперта от познавательной деятельности следователя. Анализ практики показывает, что такой отрыв чреват экспертными ошибками, нарушениями прав граждан. Сказанное приводит к выводу, что следственным действием надлежит считать не экспертизу в целом, а лишь комплекс мероприятий следователя (суда) по программированию исследования и созданию для него необходимых условий: предоставление эксперту исследуемых объектов, постановку вопросов, выбор объективного и квалифицированного специалиста, обеспечение прав обвиняемого и т. д. Это положение представляется весьма существенным для обоснования принципа экспертной независимости (ст. 80 УПК РСФСР), форм взаимодействия следователя и эксперта, недопустимости подмены экспертизы другими следственными действиями.

По сложности отображаемых объектов выделяются следственные действия: 1) направленные на отображение изолированных информационных объектов; 2) направленные на отображение интегрированных объектов. Данная классификация позволяет подчеркнуть специфику сложных по структуре следственных действий. Проводя их, следователь объединяет два различных информационных объекта, создавая новый, в некотором смысле искусственный объект, содержащий больший объем информации, нежели исходные. Так, при очной ставке происходит интеграция двух показаний; при следственном эксперименте одновременно воспринимаются условия, в которых протекает опыт, и сам опыт; при предъявлении для опознания — сообщение опознающего и признаки опознаваемого объекта; при проверке показаний на месте — обстановка на местности и показания лица. Такое представление подчеркивает уникальность получаемой информации, делает очевидной неправомочность попыток упростить структуру данных действий путем произвольного низведения их к одному из составляющих элементов, что иногда наблюдается на практике.

Следственные действия в диссертации анализируются также с точки зрения их нормативной приспособленности к проверке доказательств. Рассмотрены и иные классификации, в частности, деление следственных действий на первоначальные и последующие, неотложные и не обладающие свойством неотложности. Оценивая все классификации в целом и рассматривая совокупность следственных действий как систему, диссертант приходит к выводу, что системный подход не только

сводит воедино знания об отдельных способах собирания доказательств, накопленные в процессе аналитических исследований, но и служит фактором использования и дальнейшего развития этих знаний.

Глава пятая «Основания проведения следственного действия и правовой статус его участников» содержит анализ ряда существенных элементов процессуальной формы следственного действия. Использование выработанных ранее структурных моделей (глава III), учет познавательной специфики каждого следственного действия, определяемой его местом в общей системе (глава IV), позволяют сопоставить нормы об одних и тех же (или однородных) следственных действиях, содержащиеся в УПК разных союзных республик, а также нормы о разных следственных действиях в пределах одного или нескольких УПК, выявить и оценить имеющиеся различия и на этой основе, с учетом потребностей практики, разработать предложения о совершенствовании действующего законодательства.

Обращено внимание на необходимость четкого определения правовых оснований проведения следственных действий. Это должно способствовать предотвращению необоснованного стеснения прав граждан, привлекаемых к собиранию доказательств, избавлять следователя от ненужной работы. Обычно к правовым основаниям относят наличие у органов государства правомочий на ведение производства по делу, а также закрепление соответствующего действия в уголовно-процессуальном законе. Представляется, что этих правовых требований для принятия решения недостаточно. Анализ закона показывает, что в нормы о следственном действии включены требования, учитывающие специфику конкретного способа собирания доказательств и существенно ограничивающие пределы субъективного усмотрения. Они определяют: а) допустимые источники получения доказательственной информации; б) цель следственного действия, т. е. получение информации определенного вида; в) объем данных, необходимых для обоснованного вывода о возможности ее извлечения. Совокупность этих требований и образует основания проведения следственного действия: они налицо в случаях, когда следователь располагает достаточными данными о возможности извлечения искомой информации с помощью определенных познавательных приемов из источников, признаваемых законом допустимыми. В связи со сказанным вносится

предложение об уточнении в законе источников, из которых следователь получает доказательственную информацию при следственном эксперименте, предъявлении для опознания, очной ставке и проверке показаний на месте. Необходимо четко определить и цели этих следственных действий, так как они чрезмерно широко описаны в законе либо вообще в нем не указаны. Требуется более точного определения объема фактических данных, необходимых для принятия решения о проведении следственных действий, особенно в случаях, когда получение доказательств связано с вторжением в жилище граждан. В диссертации рассматриваются и другие гарантии законности решений о проведении следственного действия — вынесение мотивированного постановления и санкционирование его прокурором.

Анализ правового статуса участников следственного действия в стадии расследования выявляет руководящую роль следователя, лица, производящего дознание. Именно эти должностные лица представляют государство в отношениях с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями и иными участниками. В отличие от суда, являющегося коллегиальным субъектом познания, восприятие доказательственной информации и ее оценка в стадии предварительного расследования производятся единоличным субъектом. Руководящая роль следователя сохраняется и в случаях, когда другие следователи, сотрудники органов дознания оказывают ему помощь при проведении следственного действия. Иной подход, т. е. допущение коллегиального субъекта следственного действия, может затруднить целенаправленный отбор фактических данных и обеспечение прав граждан.

В диссертации комплексно и под разными углами зрения исследовано процессуальное положение лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях, чему до сих пор в правовой науке не уделялось достаточного внимания. В особую группу выделяются субъекты доказывания с самостоятельным или представляемым интересом, т. е. обвиняемый, его защитник, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Диссертант выступает за наделение этих участников равными правами в доказывании и поддерживает высказанные рядом ученых предложения о расширении прав потерпевшего при собирании доказательств.

Отмечая активную роль защитника и потерпевшего в соби-

ранни доказательств, диссертант полемизирует с авторами, которые считают, что указанные лица самостоятельно собирают доказательства и предлагают расширить их права в этом направлении (В. Г. Стряпуни, С. А. Хейфец, Г. М. Шафир, Ю. И. Стецовский, А. Д. Бойков, Л. Д. Кокорев, Л. В. Ильина). Непроцессуальный поиск сведений, относящихся к делу, нельзя отождествлять с собиранием доказательств. Вследствие нераздельности познавательной и удостоверительной сторон собирание доказательств можно считать законченным только после закрепления фактических данных в материалах дела. Этот момент в деятельности защитника и потерпевшего явно отсутствует, ибо не от них, а от следователя и суда зависит признание полученных данных доказательством и включение его в материалы дела. К тому же нерегулируемая активность защитника и потерпевшего, при отсутствии контроля за их деятельностью со стороны беспристрастного государственного органа, может привести к нарушению прав граждан.

Правовой статус участников следственного действия получает дальнейшую конкретизацию при анализе функций, которые они выполняют в познавательном процессе. По этому основанию все участники подразделяются на четыре относительно самостоятельные группы. В первую входят лица, располагающие доказательственной информацией и передающие ее следователю. Это свидетели, потерпевшие, обвиняемые и подозреваемые, а также иные лица, представляющие доказательства по собственной инициативе или по требованию следователя. Вторую группу образуют лица, использующие свои специальные познания для содействия следователю в получении доказательственной информации. К ним относятся эксперт, специалист, переводчик. Третья группа охватывает лиц, участие которых служит средством контроля за объективностью и полнотой отображения доказательственной информации. Это педагог, законный представитель несовершеннолетнего, либо его близкий родственник, понятые, лица, удостоверяющие правильность записи показаний, лица, у которых производится обыск и выемка. Самостоятельную группу образуют вспомогательные участники — лица, предъявляемые для опознания вместе с опознаваемым, а также лица, осуществляющие по поручению следователя поисковые и опытные действия при осмотре и следственном эксперименте. Предпринятый в рамках данной классификации анализ деятельности указанных лиц позволил уточнить функции эксперта, специалиста, переводчика, педагога и законных представителей, раз-

работать предложения, направленные на повышение роли этих лиц в доказывании. Делается вывод о целесообразности допуска специалиста к участию в любом следственном действии, если это поможет более полному выявлению и отображению фактических данных. Педагог, законные представители, близкие родственники должны быть допущены не только к допросам, но и к другим следственным действиям, в которых участвуют несовершеннолетние (особенно малолетние) потерпевшие и свидетели. Следует признать целесообразным привлечение понятых к изъятию образцов, если возможно противодействие со стороны лица, обязанного дать образцы, либо необходима индивидуализация образцов (работы механизмов, частей веществ, материальных масс и др.).

Исследуя вопрос о функциях необязательных участников следственных действий, диссертант полемизирует с А. А. Эйсманом, по мнению которого участие обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля в осмотре и следственном эксперименте может означать лишь дачу ими показаний. Место, занимаемое осмотром и следственным экспериментом в общей системе следственных действий (глава IV), говорит о непригодности этих приемов к получению показаний. Привлечение указанных лиц служит достижению иных целей: созданию условий для получения оптимального познавательного результата, обеспечения законных интересов обвиняемого и подозреваемого.

Таким образом, многоаспектный анализ правового положения лиц, участвующих в следственных действиях, позволил по-новому подойти к решению некоторых дискуссионных вопросов доказывания.

Успешное выполнение участниками следственных действий своих функций в собирании доказательств зависит от того, насколько ясно в нормах закона указаны их обязанности. Диссертант высказывается за определение в законе обязанностей свидетелей и потерпевших при проверке показаний на месте (воспроизвести показания и продемонстрировать действия), владельцев искомых предметов и документов при производстве обыска и выемки (представить их по требованию следователя). Не вполне четко определена обязанность соответствующих участников представить образцы (в том числе образцы почерка). Требуется нормативного уточнения обязанности свидетелей, потерпевших и избранных следователем неучастных лиц стать участниками предъявления для опоз-

нения (в качестве опознаваемых).

В работе подчеркивается своеобразие обязанностей обвиняемого и подозреваемого. Эти лица, как субъекты права на защиту, обязаны явиться по вызову следователя, но не обязаны сообщать устную информацию на допросе, очной ставке, при предъявлении для опознания, проверке показаний на месте, осмотре и следственном эксперименте. В то же время обвиняемый и подозреваемый обязаны представить по требованию следователя различные образцы, подвергнуться опознанию, освидетельствованию, экспертизе, не вправе противодействовать изъятию находящихся в их владении предметов и документов. Такого рода обязанности состоят преимущественно в воздержании от каких-либо действий и не противоречат праву обвиняемого на защиту.

Правовой статус участников следственного действия включает гарантии обеспечения их законных интересов. Необходимость в таких гарантиях объясняется тем, что активные поисковые и познавательные действия следователя, а также эксперта и специалиста могут существенно стеснить права граждан, причинить им не вызываемый необходимостью ущерб.

Все более существенным элементом правового регулирования следственных действий становятся требования, непосредственно охраняющие честь и достоинство участвующих в них лиц, что в полной мере соответствует закрепленной в Конституции СССР обязанности государственных органов и должностных лиц уважать личность, охранять права и свободы граждан (ст. 57). Этому правовому требованию следует придать универсальный уголовно-процессуальный характер, распространить его на все следственные действия. Более универсальными должны стать и правила, запрещающие оглашение выявленных в ходе следственного действия обстоятельств интимной жизни граждан. Диссертант присоединяется к предложениям (Л. Д. Кокорев, Ц. М. Каз) распространить этот запрет и на обстоятельства личной жизни, поскольку охрана личной жизни граждан закреплена в Конституции СССР (ст. 56). В свете положений Конституции СССР приобретают еще большую убедительность предложения об освобождении близких родственников обвиняемого от обязанности давать уличающие его показания и об освобождении свидетеля от обязанности отвечать на вопросы, уличающие его самого в совершении преступления (М. С. Строгович, А. Р. Ратинов, А. Д. Бойков, В. И. Смыслов, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов и др.).

Глубокое нравственное содержание имеют предписания, охраняющие жизнь и здоровье участвующих в доказывании лиц. В свете ст. 42 Конституции СССР представляется целесообразным распространить запрет действий, угрожающих жизни и здоровью граждан, на каждый акт собирания доказательств. Важную правообеспечительную роль играют правила, охраняющие имущественные интересы граждан (ст. 184 УПК Латвийской ССР, ст. 204 УПК Литовской ССР). Требование о предотвращении не вызываемого необходимостью имущественного ущерба также должно стать обязательным при проведении любого следственного действия.

Анализ норм закона показывает, что разъяснение прав и обязанностей обвиняемому и потерпевшему в момент приобретения ими правового статуса не является достаточной правообеспечительной мерой, ибо в конкретных следственных действиях эти лица имеют дополнительные права и обязанности. Кроме того, обязанности многих участников формулируются в законе не прямо, а в виде права следователя требовать от них определенного поведения. Ввиду этого аргументируется предложение дополнить закон нормой, обязывающей следователя перед производством каждого следственного действия разъяснять всем его участникам их конкретные права и обязанности в данном действии. В диссертации рассматриваются также права участников следственных действий, обеспечивающие создание оптимальных условий для полной и точной передачи ими информации.

Глава шестая «Нормативное обеспечение эффективности следственного действия и удостоверение его результатов» завершает анализ процессуальной формы собирания доказательств в стадии расследования. В ней исследуются внешние условия эффективности следственных действий: место, время и последовательность их проведения, средства обеспечения доступа следователя к источникам информации. Высказаны соображения о необходимости более четкого нормативного регулирования этих условий, а также мер против возможного искажения информации в процессе ее получения.

Реальному достижению цели следственных действий служит возможность применения мер принуждения. Возражая ученым, ограничивающим круг принудительных следственных действий обыском, выемкой и некоторыми другими (И. М. Лузгин, З. Ф. Коврига, В. М. Корнуков, З. Д. Еникеев), диссертант считает, что принудительностью обладает каждое следственное действие, ибо оно сопровождается персонифи-

кацией обязанностей и принудительным возложением их на определенных лиц. Другой аспект принудительности состоит в применении принудительных мер к участникам следственных действий, которые уклоняются от исполнения обязанностей. По степени выраженности обязанностей и последствий их нарушения можно выделить три типа нормативного регулирования следственных действий: 1) одинаково четко выражены как обязанности, так и последствия их невыполнения (ответственность переводчика, эксперта, специалистов, ответственность свидетеля и потерпевшего при допросе, очной ставке, предъявлении для опознания); 2) при достаточно выраженной обязанности последствия ее нарушения не определены (ответственность понятого, ответственность обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля за отказ от освидетельствования, экспертного обследования и представления образцов, ответственность должностных лиц и граждан за отказ выдать требуемый предмет и документ); 3) обязанность участника не определена, соответственно не указаны и возможные меры принуждения (ответственность свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и подозреваемого за отказ подвергнуться опознанию, ответственность вспомогательных участников за отказ от выполнения функций статистов и т. д.). Известная пробельность закона в двух последних случаях состоит в том, что возможность применения принудительных мер подчас выражена в законе «неявно» либо только подразумевается. Этот вывод подтверждается классификацией всех принудительных мер по способу их воздействия на отклоняющееся поведение: наряду с штрафными санкциями (привлечение к уголовной ответственности, денежное взыскание, меры общественного воздействия, применение меры пресечения в связи с нарушением обязанностей по явке, применение более строгой меры пресечения в связи с воспрепятствованием установлению истины) при производстве следственных действий применяются и правовосстановительные санкции. К ним следует отнести привод, а также различные виды принудительного исполнения: принудительное освидетельствование, принудительное экспертное обследование, принудительное отобрание образцов, принудительное изъятие искомым предметов и документов. Диссертант высказывается за более четкое определение в законе видов принудительного исполнения. Условиями его допустимости могут стать: а) невозможность достичь цели следственного действия иным путем; б) отсутствие угрозы жизни и здоровью, а также чести и достоинству лица. При наличии

этих условий физическое принуждение может быть применено для исполнения только такой обязанности, которая требует от лица пассивного поведения, а не активных и целенаправленных действий. Для восполнения пробелов нормативного регулирования целесообразно применение как штрафных, так и правосстановительных санкций.

Существенным элементом процессуальной формы следственных действий является удостоверение их результатов. Проблемы фиксации доказательств привлекли внимание многих ученых. Тем не менее специфика некоторых предусмотренных законом способов фиксации остается недостаточно исследованной. Для решения этой задачи в диссертации предпринята группировка всех способов фиксации по особенностям сохранения доказательственной информации. В результате выделены четыре различные формы фиксации: 1) знаковая, применяемая для закрепления вербальной информации (протоколирование и звукозапись); 2) наглядно-образная, применяемая для закрепления информации, выраженной в физических признаках (фото- и киноизображения); 3) предметная, также применяемая для закрепления информации, выраженной в физических признаках (приобщение предмета к делу, изготовление слепков). Промежуточное место между знаковой и наглядно-образной занимает графическая форма запечатления (планы и схемы). С учетом данной классификации исследуются соотношение между различными средствами фиксации, их специфика и доказательственное значение.

Анализируя такой удостоверительный акт, как протокол (ст. 141 УПК РСФСР), диссертант отмечает, что в силу ряда своих особенностей он способен отразить соблюдение всех нормативных требований, образующих процессуальную форму следственного действия. Поэтому законодатель признает его обязательным средством фиксации. Выявляются наиболее важные нормативные правила протоколирования: безотлагательность, отражение факта разъяснения прав участникам следственного действия, описание содержания и результатов познавательных операций, сохранение формы словесного сообщения, указание на условия и результаты применения технических средств, особый порядок удостоверения. Эти правила носят общий характер, некоторые из них выведены за рамки норм, определяющих порядок отдельных следственных действий. Представляется целесообразным объединить в одной норме все универсальные правила протоколирования, отка-

завшись от повторения однородных предписаний в нормах, регулирующих отдельные следственные действия.

Значительный интерес представляет вопрос о правовой природе и доказательственном значении необязательных (факультативных) средств запечатления, в первую очередь фотокиносъемки и звукозаписи. Диссертант полемизирует с учеными, которые не считают приложения к протоколу доказательствами (А. Я. Палиашвили, Б. С. Тетерин), и отмечает, что фотосъемка, кинофильмы и звукозапись обладают присущими любому доказательству свойствами относимости и допустимости. В то же время не вполне точно считать указанные приложения частью протокола следственного действия, как это делают многие авторы. Наиболее существенным признаком любого документа, включая протокол, является его знаковый характер. Документ всегда представляет собой комбинацию знаков, внешне не сходных с обозначаемым объектом, но позволяющих описать его с достаточной полнотой. Очевидно, что фото- и киноматериалы — это не знаковые, а наглядно-образные отображения объекта, сходные с ним в предметно-пространственном отношении. Кроме того, информация, фиксируемая с помощью оптических средств и звукозаписи, не проходит через сознание субъекта, как это бывает при составлении документа. Протокол и прилагаемые к нему фотокиноизображения, а также звукозапись, не являясь частями друг друга, составляют как бы комплексное доказательство, элементы которого взаимно дополняют и обогащают друг друга. С учетом специфических особенностей сохранения информации с помощью данных средств было бы правильно нормативно закрепить их наряду с протоколами в качестве самостоятельных видов доказательств.

Развитие законодательства, регулирующего фиксацию доказательств, испытывает на себе воздействие научно-технического прогресса, но не может сводиться к механическому заимствованию его результатов. Правовое регулирование должно подчинить применение научно-технических средств общим принципам доказывания, исключить использование ненадежных и нарушающих права граждан приемов, обеспечить контроль участников следственного действия за объективностью запечатления фактических данных. Особую актуальность приобретает вопрос о принципах нормативной регламентации вновь возникающих технических средств запечатления. Анализируя позиции ученых, выступающих за прямое закрепление каждого нового средства фиксации в законе

(П. С. Элькинд) либо за ограничение правового регулирования наиболее общими правилами (Н. А. Селиванов, Р. С. Белкин и др.), диссертант приходит к выводу, что решение данной проблемы возможно с учетом различий между поисковой и удостоверительной техникой, а также с учетом требований стабильности и универсальности правовых норм. Следует признать нецелесообразным перечисление в законе видов поисковой и диагностической техники, которую могут применять следователь и специалист. Достаточно установить общее правило, что эта техника должна удовлетворять требованиям научности, безопасности, этичности. Регламентация же средств удостоверительной техники, обеспечивая стабильность закона, не должна в то же время служить препятствием к использованию в доказывании новых приборов и устройств. Поэтому требования научности, безопасности, этичности должны быть дополнены указаниями типов удостоверительной техники, без перечисления конкретных модификаций и процедур. Представляется достаточным закрепить в законе возможность использования средств наглядного изображения, средств звукозаписи, а также комбинации этих средств и определить основные элементы процедуры их применения. Возможность применения научно-технических средств должна быть распространена на все следственные действия.

Таким образом, подход к собиранию доказательств как к многократному и опосредствованному отображению внешнего объекта, системный и логико-структурный анализ следственных действий представляется перспективным и практически значимым направлением дальнейшего развития теории доказательств.

По теме диссертации автором опубликованы 42 работы общим объемом более 45 п/л. Основные из них следующие:

Отдельные издания

1. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972, 8,25 п/л. Рецензия: Труды ВСШ СССР, вып. 12. Наука и техника на службе предварительного следствия. Волгоград, 1976.
2. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981, 7,16 п/л.

Статьи, тезисы докладов и научных сообщений

3. О роли правоотношений в советском уголовном процессе. — В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. М.: ВИОН, 1958, 1,5 п/л.

4. Некоторые вопросы прекращения уголовных дел в стадии дознания и предварительного следствия. — Вопросы криминалистики, № 1—2. М.: Госюриздат, 1961, 1,5 п/л.

5. Воспитательная роль предварительного следствия. — Ученые записки ВЮЗИ, вып. 15. М., 1967, 1,5 п/л.

6. Доказательственное значение задержания подозреваемого. — Социалистическая законность, 1972, № 3, 0,3 п/л.

7. Эффективность следственного действия как объект прокурорского надзора. В кн.: Проблемы прокурорского надзора. Научная конференция, посвященная 50-летию Советской Прокуратуры. М.: Прок. СССР, 1972, 0,3 п/л.

8. Познавательное значение следственных действий и их система. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. М.: Юрид. лит., 1972, 1,0 п/л.

9. Сущность собирания доказательств в стадии предварительного расследования. Труды ВЮЗИ, т. XX. Проблемы укрепления законности и охраны прав личности в уголовном процессе. М., 1972, 2,5 п/л.

10. Взаимодействие следователя и судебно-медицинского эксперта (в соавторстве). — Социалистическая законность, 1973, № 4, 0,3 п/л.

11. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы требует усовершенствования (в соавторстве). — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 23. М.: Юрид. лит., 1975, 1 п/л.

12. Следственное действие как акт правоприменения. — В кн.: Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль: ЯрГУ, 1975, 0,5 п/л.

13. О познавательной сущности и пределах применения проверки показаний на месте. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 28. М.: Юрид. лит., 1978, 1,0 п/л.

14. Понятие следственного действия и его место в системе научного знания. — В кн.: Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. — М.: Всесоюз. ин-т Прокур. СССР, 1978, 0,2 п/л.

15. Проблемы совершенствования правовой регламентации следственных действий. — В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М.: Акад. наук СССР, 1979, 0,5 п/л.

16. Гарантии законности при выборе следственного действия. — В кн.: Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. — М.: Всесоюз. ин-т Прокур. СССР, 1979, 0,2 п/л.

17. Процессуальный порядок и доказательственное значение предъявления для опознания (на болгарском языке). Бюлетин съюз на юристите в България. — София, 1979, № 2, 0,7 п/л.

18. Задержание подозреваемого — эффективное средство доказывания. — В кн.: Проблемы укрепления законности и правопорядка. Куйбышев: КГУ, 1979, 1 п/л.

19. Познавательная функция и процессуальная характеристика следственных действий. — Правоведение, 1980, № 5, 0,8 п/л.

20. Следственное действие как способ формирования доказательств. — В кн.: Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981, 0,25 п/л.